[Илья Муромец и тата́рченок]

Ох вы люди, люди добрые,
Шабры мои приближенные!
Вы прийдите посидеть ко мне,
Вы скажите мне про старое,
Про старое про бывалое,
Про того ли Илью Муромца,
Илью Муромца сын Ивановича.
Он в сидня́х сидел ровно тридцять лет,
Тридцять лет и три года;
Он пошел гулять по Салфе-реке.
По Салфецкому круту бе́режку.
Выезжал Илья на высок бугор,
На высок бугор на раскатистый.
Расставлял шатер — полы белыя,
Расставя шатер, стал огонь сечи́;
Высеча́ огонь, стал раскладывать,
Разложа огонь, стал кашу варить,
Сваря кашу, расхлёбывать;
Расхлебав кашу, стал почи́в держать.
Богатырский сон на двенадцять дён,
На двенадцять дён, на двое суточки.
Где не взялся... тата́рченок.
Тата́рченок-бусурма́нченок;
Он взошел в шатер, сам дивуется:
— Еще быть это Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович.
Сонного мне убить — не честь не хвала,
А разбудить его — не сладити.
Цап-царап его во белу́ю грудь.
Он не попал, злодей, во белу́ю грудь,
Он попал, злодей, в чуден зо́лот крест;
От креста копье загибалося.
Ото сна Илья пробуждается,
Злу тата́рченку издивляется:
— Еще что это... за тата́рченок!

В вышину он злодей пять аршин,
А в ширину злодей коса сажéнь,
Голова на нем как пивной котел,
Во лбу глаза по большóй чаше.
    Он и снес с него злодея буйну голову
По его могучи́ плечá.

(Записано в селе Языково Симбирского уезда.)

Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I, 1860. М.